

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ В ПОНИМАНИИ МАКСИМИЛИАНА ВЕБЕРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ ВИКТОРА УИТТЕРА ТЕРНЕРА

И. О. Буйленков,

магистрант кафедры культурологии

Белорусского государственного университета культуры и искусств

В основе понимания культуры в рамках данной статьи лежит концепция культуры Виктора Уиттера Тернера, британо-американского антрополога, занимавшегося исследованием культуры неписменных народов в Африке, а также современных ему культур.

Феномены культуры в концепции В. У. Тернера возникают в результате переживания обществом и индивидами как его составляющими частями различных типов взаимодействия. Прежде всего автор выделяет опыт, лежащий в основе общества как социальной структуры. Индивиды, являясь частью социальной структуры, взаимодействуют как носители определенных ролей. Всякий индивид представляет собой набор характеристик, делающих его полезным элементом в рамках общественного взаимодействия, направленного на противостояние внешним и внутренним вызовам, которые общество стремится максимально эффективно преодолеть. Соответственно структурные отношения обладают прагматичным характером: обеспечение наибольшей жизнестойкости группы через преодоление вызовов, которые ставят под угрозу сам факт существования общества и составляющих его индивидов.

Стремление к эффективному противостоянию внешним и внутренним структурным вызовам не может быть единственным основанием единого эффективного взаимодействия индивидов в рамках социальной структуры. Кроме выгод, предоставляемых социальной структурой, она формирует также ограничения, которые выгодны для поддержания единства общества, но невыгодны в деле противостояния индивида частным вызовам. Кроме того, для формирования единого функционирования общества необходимы факторы, обеспечивающие доверие индивидов между собой и к структуре, частью которой они являются. Сам В. У. Тернер обращает внимание на то, что элементы структуры в рамках исключительно струк-

турного взаимодействия могут утратить ощущение важности своего функционирования в рамках общества как системы, что может привести к замыканию структурного элемента на функционировании для обеспечения эффективного существования составляющих его индивидов. Потому обществу как социальной структуре для своего эффективного состояния также необходимо переживание опыта, который В. У. Тернер назвал коммунитас. Коммунитас характеризуется ощущением индивидами другого и самих себя не как носителей структурно значимых характеристик, но как целостностей, что может служить основанием для взаимного доверия и способно привести к пониманию значения социальной структуры как инструмента, направленного на обеспечение эффективного существования ее членов.

Такой опыт существует исключительно на экзистенциальном уровне, однако его влияние на функционирование общества настолько значительно, что он обретает интенсивное воплощение в культуре. Данный опыт формирует культурные феномены, которые В. У. Тернер назвал нормативная коммунитас. Данные феномены являются, с одной стороны, элементами, являющимися продуктами экзистенциальной коммунитас, с другой стороны – элементами, направленными на новую актуализацию опыта экзистенциальной коммунитас [4, с. 132].

Так как опыт коммунитас характеризуется упразднением опыта, характерного для социальной структуры, элементы культуры, являющиеся продуктом опыта коммунитас, своим семиотическим значением подчеркивают антиструктурный характер опыта. Однако сама нормативная коммунитас уже является частью структуры общества, и ее существование в таком качестве связано с неизбежным процессом – наиболее глубокой ее интеграцией, так как развитие нормативной коммунитас в качестве структурного элемента ведет к развитию в деле противостояния внешним и внутренним вызовам. При этом более интенсивная интеграция нормативной коммунитас негативно сказывается на ее антиструктурном характере, а соответственно, негативно сказывается на ее эффективности в деле актуализации опыта экзистенциальной коммунитас. Процесс интеграции нормативной коммунитас в структуру В. У. Тернер определил как рутинизацию.

С точки зрения В. У. Тернера, нормативная коммунитас чаще всего обретает форму лиминальности – термин, который В. У. Тернер заимствует у Арнольда ван Геннепа, который выделяет лиминальность как один из этапов в ритуальном процессе. С точки зрения А. ван Геннепа, всякий ритуал имеет три процессуальные стадии: прелиминальную, лиминальную и постлиминальную. С позиции В. У. Тернера, лиминальность – это тот момент, когда субъект (или субъекты) ритуала погружается в антиструктурную версию общества, потому символы, характерные для данной стадии, имеют мало общего с прошлым состоянием, от которого он отделяется в прелиминальной стадии, и будущим состоянием, которое он обретет в постлиминальной стадии. С точки зрения В. У. Тернера, лиминальность может проявляться не исключительно в ритуальной жизни общества, лиминальный характер может иметь период в жизни индивида или группы, в том числе лиминальность может иметь перманентный характер, когда вся жизнь индивида рассматривается как процесс перехода [3, с. 15].

В основании религии с точки зрения данной концепции лежит опыт коммунитас (с трансцендентным объектом, и/или между людьми, и/или неодушевленными объектами). Также религия представляет собой систему ритуалов, имеющих лиминальную форму, кроме того, сама религия может обладать формой перманентной лиминальности. Наиболее важным в рамках данной статьи является то, что религия – часть общественной структуры, направленная прежде всего на актуализацию опыта экзистенциальной коммунитас [4, с. 132–133].

Целью статьи является рассмотрение изменений религии как нормативной коммунитас в процессе секуляризации в понимании данного термина, предложенном Максимилианом Вебером.

В рамках концепции М. Вебера предлагается рассматривать секуляризацию в качестве внутреннего процесса в рамках религиозных организаций, в результате которого происходит смещение интересов религиозной группы с объекта культа на вопросы, связанные с эффективным существованием группы как части социальной системы [1, с. 203].

В случае, когда центром религиозной жизни той или иной организации является пророк, то одной из черт секуляризации может быть упразднение данного института: «кое-где в Ав-

стралии еще и теперь решения на собраниях вождей принимаются на основе откровений, полученных колдуном во сне, и если в ряде случаев такой порядок исчезает, это, несомненно, следует считать секуляризацией» [2, с. 115]. М. Вебер определяет пророков прежде всего как носителей харизмы [2, с. 114]. Соответственно видится возможным в данном контексте сказать, что следствием секуляризации может являться смещение с харизматического лидерства к другому типу.

Если рассматривать такое понимание секуляризации в рамках концепции культуры В. У. Тернера, то получается, что веберовская секуляризация предполагает смещение интересов группы с актуализации опыта коммунитас на структурные отношения, то есть такое понимание секуляризации очень близко к понятию рутинизация. На уровне внутренней трансформации секуляризирующегося объединения это приводит к ослаблению харизматического элемента в деле легитимизации власти. Такой сдвиг также характерен для рутинизации: при ослаблении влияния харизматического компонента в деле организации управления, характер власти становится более рациональным, а процесс выдвижения новой элиты, наделенной властью, – более систематизированным. Это рационально когда речь идет об организации эффективной системы управления, однако приводит к ослаблению в организации эффективности актуализации опыта коммунитас, так как новый руководитель подходит по формальным критериям, но не по интенсивности переживания антиструктурного опыта, соответственно, способен организовать эффективное структурное взаимодействие, но не поддерживать интенсивность актуализации антиструктурного опыта в рамках движения.

1. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

2. Вебер, М. Хозяйство и общество : очерки понимающей социологии : в 4 т. / М. Вебер ; пер. с нем. ; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. – Т. 2 : Общности. – 431 с.

3. Геннеп, А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп ; пер. с фр. Ю. В. Ивановой, Л. В. Покровской ; ред. изд. С. В. Веснина ; посл. Ю. В. Иванова. – М. : «Восточная литература» РАН, 1999. – 198 с.

4. Turner, V. W. The Ritual Process: Structure and Anti-Structure / V. W. Turner. – New-York : Carnell University Press, 1991. – 214 p.

ДА ПЫТАННЯ АБ НАЦЫЯНАЛЬНА-БЕЛАРУСКІМ УСПРЫМАННІ РУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ

Н. А. Булацкая,

*кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
прафесар кафедры беларускай і замежнай філалогіі
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў*

Ідэя нацыянальна-беларускага ўспрымання рускай літаратуры, што існуе ў сучасным навуковым жыцці рэспублікі, выклікае не толькі станоўчыя эмоцыі, але і пэўныя пытанні. Часам здаецца, што асабліва спрытным выдаўцам для вырашэння пытання аб друкаванні матэрыялаў дастаткова артыкула, кнігі на роднай мове альбо канстатацыі факта беларускага паходжання вядомага пісьменніка. Кідаецца ў вочы імкненне некаторых даследчыкаў айчынай літаратуры, як кажуць, «за вушы» прыцягнуць да Беларусі тых, чые імёны належаць сусветнай культуры. Штучна адшукваючы ў жыцці і творчасці пісьменнікаў беларускую тэму, можна пайсці па шляху даволі ўдалама з пункту гледжання перспектыўнасці публікацый, але, на наш погляд, небяспечнаму. Нацыянальная беларуская самасвядомасць дастаткова шчырая і гордая, каб абвесціць іншаэтнічныя каштоўнасці сваімі ці называць беларусамі тых, хто імі ў сапраўднасці не быў альбо не лічыў сябе такімі.

Вывучаючы творчасць пісьменніка С. М. Сцепняка-Краўчынскага, засяроджваеш увагу на паходжанні яго бацькі з Віцебскай губерніі (маці была з Украіны, таму і псеўданім выбраў для сябе – Сцепняк). Вельмі захацелася і Сяргея Міхайлавіча, імя якога ведалі ў свеце, абвесціць беларусам. Але ж ён, прызнаючы сваімі суайчыннікамі ўсё чалавецтва, успрыняў вопыт духоўнай дзейнасці людзей розных моў, веравызнанняў, нацыянальнасцяў. І не выпадкова, пэўна, сябры называлі яго грамадзянінам свету.

Больш карысным для справы нацыянальнага адраджэння падаецца выкарыстанне той спадчыны пісьменніка, у якой ён распавядае пра гісторыю нашай краіны, пра беларусаў. Напрык-